

А. КАЛИНИН
(МОСКВА)

ДИКОЕ ПОЛЕ. ПРОЕКТ АГЛОМЕРАЦИИ ОБРЕКАЕТ ПРОВИНЦИЮ НА ВЫМИРАНИЕ*

Рассматривается проблема новой стратегии географического переустройства России. Реализация данного проекта предполагает рост городских агломераций, прежде всего европейской части России, «стягивание» которых делает остальное пространство пустым. Прогнозируются драматические последствия подобного наступления «дикого поля» на обжитое пространство, выражающиеся в исчезновении старинных городов и фактическом уничтожении провинции.

Ключевые слова: стратегия географического переустройства, проект агломераций, дикое поле, стягивание агломераций, пустующее пространство, исчезновение провинции.

The problem of the new strategy of geographical transformation of Russia is considered. Realization of this project involves the growth of urban agglomerations, especially the European part of Russia, «Contraction» of which makes the rest of the space is empty. Predicted the dramatic consequences of this attack «wild field» for habitable space, lead to the disappearance of the ancient cities and the actual destruction of the province.

Key words: strategy of geographical reconstruction, project of agglomerations, wild field, contraction of agglomerations, vacant space, the disappearance of the province.

В один день в моей жизни сошлись два события. Утром пришло письмо от старого знакомого *Павла Дмитриева*, главы Красноуральского сельсовета Курганской области, а вечером случился сосудистый криз у моей матери, который чуть не свел ее в могилу.

Павел Дмитриев писал, что зарплату муниципальным работникам курганские власти переложили на плечи самого сельсовета. Оттого многие главы поселений, говорилось в письме, вынуждены снимать с себя полномочия. А надо бы, наоборот, бюджеты-то увеличивать. Да выделить каждому сельскому поселению по колесному трактору с прицепом, чтобы можно было оказывать населению транспортные услуги, помогать малому бизнесу. Кроме того, ввести в штаты должности тракториста и электрика. Пусть хотя бы по одному на несколько поселений. Но вместо этого в верхах опять заговорили об укрупнении, а это приведет лишь к дальнейшему оттоку населения и вымиранию последних оставшихся деревень, к обезлюдению территории.

Это утром.

А вечером скорая помощь, вызванная мной по случаю сосудистого криза престарелого человека, пришла неуккомплектованной ни персоналом, ни лекарствами. Лекарств не хватает, устало объясняла доктор, а врачи частью уволились, частью болеют, а иные и умерли, ведь самим медикам некогда заняться собственным здоровьем. По всему выходило, что должную профессиональную помощь больному оказать невозможно, но и в больницу его нельзя забрать, потому как все они переполнены. «Население в Москве увеличилось, а больничные площади остались прежними, – грустно говорила она. – Инсультников и инфарктников класть некуда».

Эти два события, вроде бы никак друг с другом не связанные, вдруг завязались в тугой узел, когда я наложил их на кальку стратегии географического переустройства России, которая давно разработана и подготовлена к реализации.

Идея не нова. Еще будучи министром экономического развития, Эльвира Набиуллина озвучила мысль, что многие малые города бесперспективны в силу их низкой конкурентоспособности по сравнению с мегаполисами и в ближайшие 20 лет их покинут почти 20 миллионов жителей, а все население сосредоточится вокруг двух-трех десятков *агломераций* с населением миллион и более человек. Называется это так – *ускоренное сжатие обжитого пространства*.

По этой идее выходит, что вымирание провинции не опасность и наступление «дикого поля» на обжитое пространство не угроза. Это лишь одно из условий дальнейшего развития страны. В словаре этих стратегов появились даже такие дикие, на взгляд нормального человека, термины, как *пятнистая Россия* и *пустылище пространства*. Причем расти будут только шесть городских агломераций: московская,

* Литературная газета № 45. 13–19 ноября 2013 г. С. 11.

петербургская, новосибирская, нижегородская, екатеринбургская и Самара – Тольятти – в основном европейская часть России.

Ситуация более чем реальная. К примеру, власти одного из городов Тверской области пришли к выводу, что через 25 лет их города не станет. Причем не потребуются никакого принудительного его закрытия, а на переселение жителей даже не надо будет тратить средства из федерального бюджета. Город исчезнет сам, как мираж в пустыне. Молодежь уедет искать лучшей доли в иные места, а старики вымрут. На месте старинного города останутся лишь обезлюдившие улицы с нежилыми домами, разрушенной инфраструктурой и зарастающими травой дорогами. И чтобы заново колонизовать эту территорию, в будущем понадобится неизмеримо больше времени, сил и средств, нежели теперь. И таких городов в России не счесть.

– Главная головная боль местной власти – где взять деньги на реализацию хотя бы тех полномочий, которые определены 131-м законом «Об общих принципах организации местного самоуправления», – говорит *Елена Шумилова*, более шести лет возглавляющая городское поселение Новомичуринское Рязанской области. – Местный бюджет пополняется в основном за счет налога на землю. Главный налогоплательщик у нас – Рязанская ГРЭС, которая, в свою очередь, любыми путями пытается уменьшить это налоговое бремя. Мы прошли уже через 37 судов. Было все: штрафы, судебные приставы. Руководство станции просто издевается над муниципалитетом. Но ведь мы не себе деньги требуем. Надо ремонтировать дороги, жилье. Та же Рязанская ГРЭС в 2002 г., освобождаясь от непрофильных активов, передала нам свой жилой фонд без денежного сопровождения и без капитального ремонта. В то же время тарифы на воду и тепло, которые ГРЭС поставляет жителям и за которые мы почему-то платим круглый год – и в отопительный сезон, и в неоперительный, неоправданно высоки. В оплату включаются все потери, которые происходят в сетях по пути от ГРЭС к городу.

– Сейчас так происходит: чем лучше работаешь, тем у тебя больше забирают, – считает *Алексей Шмелёв*, первый заместитель главы администрации города Октябрьский Республики Башкирия. – То есть нет стимула к развитию региона. К примеру, основу нашего бюджета составляет налог на доход физических лиц. По нормативу нам остается лишь 20 % от того, что мы собрали. Остальное идет в регион. Там могут добавить, а могут и забрать. Так вот, чем лучше ты работаешь, тем меньше этот норматив становится. В результате тех денег, которые нам оставляют, не хватает на реализацию полномочий, не говоря уже о фонде развития.

– А есть реальная опасность потерять провинцию?

– Наш город рожден на нефти, которая сейчас уже на поздней стадии разработки. Около нефтяных скважин построили несколько машиностроительных заводов. Есть технологии разработки старых скважин. Но за счет бюджетных средств эти технологии не вытащишь.

– Можно ли развиваться городу при существующих бюджетно-административных отношениях? Наверное, можно, но до определенного периода, – соглашается с коллегой *Владимир Синицын*, бывший глава города Нововоронеж Воронежской области. – Когда региональные или федеральные власти увидят, что ваш бюджет растет, они мгновенно отрегулируют его не в вашу пользу. Мой опыт говорит, что, как только налоги начинают собираться, их тут же реквизируют в пользу регионального или федерального центров. Если же глава муниципалитета не выполняет некие принятые правила, его приносят в жертву. С другой стороны, эти правила непостоянны. Как и полномочия. Их то забирают, то возвращают. Только наладили, допустим, что-то с социалкой, у тебя завтра заберут ее в область, а то и дальше. Мы у себя когда-то сделали внутренний профилакторий для пенсионеров и детей из неполных семей. Только наладили работу, как его тут же отобрала область, сделав из него элементарную контору по предоставлению услуг социального назначения для населения. Сегодня муниципальное образование – это довольно хаотичная структура, в которой трудно выжить. Поэтому многие и не выживают. Кроме того, происходит укрупнение муниципальных округов. Из малых городов и поселков человеческие и финансовые ресурсы переводятся в более крупные. Фактически мы оставляем огромную территорию без контроля. Сегодня ее контролирует сеть малых городов. Убери их, и получишь *Дикое поле*. Ходи по нему, кто хочешь, делай, что хочешь...

Но создание *Дикого поля* и является, судя по всему, стратегической задачей в построении новой России. По прогнозам больше половины всего населения страны

к 2025 г. будет обитать в крупных городах. Ученые утверждают, что процесс этот объективный. Уже более 31 % россиян живет сегодня в таких мегаполисах.

«За период между переписями населения 2002 и 2010 гг. с карты страны исчезло 8,5 тыс. сел, а число необитаемых сельских населенных пунктов возросло с 13,1 до 19,4 тыс. В настоящее время каждое третье село насчитывает менее 10 жителей. В местах, где существуют эти поселения, сельскохозяйственная функция уже практически невозможна, – говорит профессор, доктор географических наук, директор региональной программы Независимого института социальной политики *Наталья Зубаревич*. – И региональная политика, какой бы она ни была, играет лишь второстепенную роль. Да, можно смягчить негативные тренды, но переменить их нельзя: агломерации будут стягиваться, остальное пространство – пустеть».

То, что идея эта уже входит в практическую плоскость, говорят следующие факты. Иркутские власти заявили о намерении вернуться к идее агломерации Большой Иркутск, в состав которого войдут Ангарск, Шелехов и другие поселения. Обсуждался проект «Агломерация Челябинск–Екатеринбург». Глава Красноярска озвучил идею создания Большого Красноярска, в который будут включены все населенные пункты в радиусе 100–150 километров.

Москва первой расширила свои границы.

За рубежом такие же процессы организованы иначе. Муниципалитеты контролируют их сами. В агломерации Нью-Йорка между собой договариваются более 2000 муниципальных образований, причем каждая на своей территории сохраняет широкий набор независимых функций. Во Франции шестнадцать агломераций управляют своей территорией независимо друг от друга, однако обязаны создать еще один – надмуниципальный уровень управления и передать туда общие полномочия по развитию этих агломераций. Закон о государственно-муниципальном управлении Большого Парижа предполагает, что на одной территории делятся функции между органами муниципального управления и органами государственного управления. В канадскую договорную систему агломерации входят все муниципалитеты на прозрачных и конкретных контрактах: фиксируется, кто что вносит и кто что получает от такого сотрудничества. Такая система возникла, после того как разоренный муниципалитетами Торонто 20 лет назад стремительно опустился с 1-го на 17-е место среди городов Канады по качеству жизни.

В России же пока все делается без привлечения общественности, привычными административными методами, силами чиновников. И если приложить нынешний план переустройства страны, как его полагают чиновники, то многое становится понятным.

Массовое закрытие школ, больниц, укрупнение не только сельских поселений, но и муниципальных образований, вывод из райцентров без их согласия жизненно важных подразделений. С точки зрения чиновника от такого переустройства одна выгода. Не надо строить на периферии дороги, тянуть электрические и газовые линии, компенсировать траты на местные автомобильные, железнодорожные, авиационные перевозки. Если Россия в целом не конкурентоспособна на мировом рынке, то сделаем конкурентными хотя бы Большую Москву или Большой Петербург. Вся остальная территория по мере доступности должна стать лишь питательной средой для развития и поддержания таких мегаполисов.

Чем это обернется для остальной территории, которая окажется вне зоны влияния агломераций? Что будет с так называемым *пустылищем пространства*?

Красноуральское поселение Курганской области, за жизнеобеспечение которого сегодня так ратует мой приятель Павел Дмитриев, и без того обескровленное закрытием школ, больниц, детсадов, до конца обезлюдит и, скорее всего, прекратит свое существование. И тогда не надо будет искать колесный трактор с прицепом и набором сельхозорудий и выбивать ставки тракториста и электрика, чтобы помогать личным подсобным хозяйствам и оказывать транспортные услуги населению. Не надо чистить дороги от снежных заносов, потому что ездить по ним будет некому. Тем более газифицировать редкие деревни, в которых останутся жить по несколько семей. Хотя, если разобраться, то *каждый человек, где бы он ни жил – в процветающем городе Перми или умирающей деревне Загибовке, имеет право на формирование своего жизненного пространства*. Причем формироваться это пространство должно не столько самим человеком, сколько государством и включать в себя весь набор необходимых для современной жизни условий.

Но, похоже, русскую глубинку все же оставят без дорог, газа, воды, транспортного сообщения, больницы, школы, с печным отоплением и дощатым туалетом-скворечником во дворе дома.

А что будет с Питером, Красноярском, Екатеринбург, Самарой?

Судя по тому, что происходит с разросшейся Москвой, жизнь населения в мегаполисах не улучшится. Произойдет то, что уже происходит в столице. Население стремительно растет. Социальное обеспечение и инженерная инфраструктура не успевают за этим ростом. Отсюда переполненные школьные классы, очереди в детские сады и на прием к специалистам в поликлиниках, переполненные больницы, многокилометровые автомобильные пробки и битком набитые пассажирами вагоны общественного транспорта.

Так что *пятнистой* станет жизнь не только для жителей Углича, Козельска или Изборска, но и Владивостока, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону. И *пустующее пространство* – это не какая-нибудь умирающая деревня Гадюкино Тьмутараканьской волости, а та территория, на которой сейчас живет большинство из нас, чьи доходы не позволяют нанять семейного врача или учителя, оплатить лечение или вызов кареты скорой помощи, расплатиться за коммунальные услуги и заплатить налоги.

Впрочем, это признают и сами разработчики стратегии нового переустройства России. Основной вызов, говорят они, в том, что эти новые процессы требуют и новой системы управления. А если не будет перехода от административно-территориальной заостренности к более гибкой системе, с развитой многофункциональностью местного самоуправления, с ресурсами на местном уровне, то такая жизнь провинции будет очень неустойчива.

Не потому ли нас и качает из стороны в сторону уже не первый десяток лет? А в перспективе может ждать насильственное переселение, необоснованное включение малых городов в состав более крупных с последующим удорожанием услуг и продуктов, ухудшением качества жизни.

На языке отечественного чиновника все это называется не агломерационным переустройством, не реформой управления, а привычным словом *оптимизация*. Со всеми вытекающими отсюда драматическими последствиями.

Поступила в редакцию 14.11.13.